

Тан Шэнь, ныне ставший таньхуа, непременно должен был поступить на службу в Академию Ханьлинь. Если не произойдет ничего непредвиденного, он проведет там по меньшей мере полгода, а значит, никак не будет пересекаться с Ван Чжэнем из Финансового приказа. О положении дел при дворе он не знал ровным счетом ничего, пока на сегодняшнем ужине не услышал кое-какие крупницы от Фу Вэя и Ван Чжэня. Какая польза от него такого Ван Чжэню? Чего Ван Чжэнь добивается, что он за человек при дворе и какое занимает положение? Тан Шэнь блуждал в потемках, не имея ни малейшего представления.

Внешне Тан Шэнь оставался спокоен, но в его душе бушевал вихрь мыслей.

Вдруг его осенило: действительно ли Ван Чжэнь заставляет его примкнуть к какой-то стороне?

В этом году ему исполнилось всего шестнадцать. Он происходил из простой семьи и не имел за спиной ни покровителей, ни связей; если бы не Лян Сун, он ни за что не попал бы в ученики к Фу Вэю. Они с Ван Чжэнем знали друг друга уже год, и теперь перед глазами Тан Шэня одна за другой всплывали прошлые сцены: то, как Ван Чжэнь не раз наставлял его, помогая стремительно продвигаться по пути к чиновничьим экзаменам, и то, как перед столичным экзаменом возил его совершать обряд освобождения живых существ.

Тан Шэнь глубоко вдохнул и пришел к выводу: Ван Чжэнь действительно всего лишь спрашивает о его устремлениях! Возможно, за этим и крылось нечто большее, но сейчас не случится ничего страшного, даже если он притворится непонимающим.

Глядя на улыбающееся лицо Ван Цзыфэна, Тан Шэнь на мгновение замялся, но все же заговорил:

— В марте прошлого года я прибыл в Шэнцзин, и лишь благодаря заботе господина и старшего соученика обрел приют в этом чужом краю. Покидая управу Гусу, я и представить не мог, что мой путь на экзаменах окажется столь гладким. Всем этим я обязан неустанным наставлениям старшего соученика Цзыфэна. Цзинцзэ вовек этого не забудет. — Помолчав немного, он подытожил: — Старший соученик для меня — и наставник, и друг.

Ван Чжэнь долго вглядывался в лицо настороженного и сосредоточенного Тан Шэня, после чего мягко улыбнулся.

— Глядя на тебя сегодня, младший соученик, я вспоминаю то, что было девять лет назад.

Тан Шэнь поднял на него взгляд:

— Девять лет назад?

Ван Чжэнь с оттенком светлой грусти предался воспоминаниям:

— Девять лет назад, когда я заслужил звание чжуанюаня, я был так же молод, как ты сейчас.

На этот раз Тан Шэнь и впрямь на мгновение лишился дара речи.

Ван Чжэню сейчас было двадцать шесть, он был старше Тан Шэня на целых десять лет. Впрочем, Тан Шэнь никогда не воспринимал его как человека в возрасте. В конце концов, в реалиях будущего мира двадцатишестилетний юноша считался бы совсем молодым — возможно, еще учился бы в университете и даже не устроился на работу. Никому и в голову бы не пришло назвать двадцать шесть лет старостью! Но в древние времена, когда сам Ван Чжэнь говорил, что уже не молод, спорить с этим было трудно.

Он скользнул взглядом по лицу Ван Чжэня, вспомнив своего соученика по Академии Гоцзыцзянь Лю Фана. Тому тоже, кажется, исполнилось двадцать шесть, но выглядел он намного старше Ван Чжэня. Ван Чжэнь же казался едва достигшим двадцатилетия благородным господином, только что прошедшим обряд совершеннолетия, — статным и безупречным, точно драгоценная яшма.

— Старший соученик и сейчас выглядит очень молодо, — произнес Тан Шэнь. На сей раз в его словах прозвучала искренность.

Ван Чжэнь обернулся к Тан Шэню:

— К ночи поднялся ветер, давай спустимся.

И они вместе стали спускаться с Башни Сюйцзи.

Перед тем как разойтись, Ван Чжэнь вдруг спросил:

— Кстати, младший соученик, тебе уже известно, где будет находиться твое Поместье Таньхуа?

— Еще нет. Говорят, об этом сообщат только в следующем месяце, — ответил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь указал на восточную часть города, расположенную совсем рядом с императорским дворцом. По стечению обстоятельств, Поместье Фу и Резиденция министра находились там же.

— Тройке лучших выпускников дворцового экзамена император жалует усадьбы, и распределением этих земель занимается Финансовый приказ. Как тебе то место, младший соученик?

Разумеется, это была благословенная земля с прекрасным фэншуй. Там жили и Фу Вэй, и Ван Чжэнь, так что для Тан Шэня этот вариант был безупречен.

Но Академия Ханьлинь находилась на самом западе города, так что усадьбу и службу разделял почти весь Шэнцзин.

— Место и впрямь чудесное, — честно признался Тан Шэнь, — вот только до Академии Ханьлинь далековато.

— О, я просто к слову сказал. Этот участок утвердили еще три дня назад, — отозвался Ван Чжэнь.

Смысл был ясен без слов: тебя просто поставили перед фактом, спрашивать твоего мнения никто и не думал.

Тан Шэнь лишь промолчал в ответ.

«Тогда к чему вообще были эти вопросы?!» — мысленно возмутился он.

Спустившись с Башни Сюйцзи, Ван Чжэнь вызвался проводить Тан Шэня до дома, и тот не стал отказываться. В просторной карете сиденья были застелены великолепными тигровыми шкурами с лоснящимся мехом, а в выдвижных ящиках лежали разнообразные лакомства и книги. Ван Чжэнь явно знал толк в удобствах: по и без того ровным улицам Шэнцзина экипаж катился плавно, без малейшей тряски.

Карета, украшенная фонарями с гербом министра, медленно въехала в переулок, где жил Тан

Шэнь. Юноша спрыгнул на землю и, обернувшись, произнес:

— Премного благодарен старшему соученику Цзыфэну за то, что подвез меня.

Ван Чжэнь приподнял занавеску кареты и обратился к нему:

— Уже поздно. Береги себя на обратном пути, младший соученик.

— И вам доброго пути, старший соученик, — отозвался Тан Шэнь.

После этих взаимных вежливостей Тан Шэнь уже повернулся, чтобы идти домой, как вдруг Ван Чжэнь произнес:

— На днях во время чтения мне попало одно изречение. Поразмыслив над ним сегодня, я нашел его довольно примечательным. Младший соученик, в иных делах нужно знать, что можно сделать, но также должно знать и то, чего делать нельзя.

Тан Шэнь застыл как вкопанный и устремил взгляд на Ван Чжэня, сидевшего в карете.

Спустя мгновение он непринужденно улыбнулся:

— Не переиначили ли вы строчку из «Лунь юй» — «знать, что это неосуществимо, и все же делать его»? Вышло весьма искусно.

Ван Чжэнь лишь улыбнулся в ответ, ничего больше не сказав. Колеса кареты со скрипом покатались по каменным плитам мостовой. Тан Шэнь стоял у входа в переулок и провожал взглядом удаляющийся экипаж, пока тот не скрылся из виду, после чего улыбка медленно сошла с его лица.

Вернувшись домой, Тан Шэнь прошел в кабинет. Фэнби подогрел для него пиалу бульона, но у юноши не было настроения даже сделать глоток.

В книге «Лунь юй» есть слова: «Не тот ли это, кто знает, что дело неосуществимо, и все-таки делает его?». Изречение описывало Конфуция как человека, который готов действовать, прекрасно сознавая тщетность своих усилий. К чему же Ван Чжэнь вдруг произнес измененную версию, призывая «знать, что можно сделать, но также знать, чего делать нельзя»?

«Что именно он имел в виду?» — Тан Шэнь напряженно размышлял, и вдруг его пальцы крепко сжались. — «Неужели он знает, ради чего я явился в Шэнцзин?»

Но следом пришла другая мысль: «Да нет, быть не может. Я уже стал учеником Фу Вэя и за весь этот год ничем себя не выдал. Разве что Ван Цзыфэн обладает поистине безграничным влиянием и прознал о том, как во время аудиенции в Академии Гоцзыцзянь я прямо перед Его Величеством обличал приверженцев Фракции Сунцин».

В своих подозрениях Тан Шэнь попал в самую точку. Ван Чжэнь водил дружбу с главным евнухом Цзи Фу, и, сговорившись, они действительно проводали об этом случае.

Тан Шэнь рассуждал дальше: «Я все сделал безупречно. После смерти господина Ляна я сразу же отдалился от его дел и почти не упоминал о нем в разговорах с господином Фу. К тому же мне всего шестнадцать, в их глазах я еще ребенок. Должно быть, я сам себя накручиваю».

«А если... нет?»

«Что, если Ван Цзыфэн действительно намекает мне, что нужно хорошенько взвесить, стоит ли ввязываться в это дело, и призывает хорошенько подумать перед принятием решения?»

В кабинете тихо потрескивала догорающая свеча.

Наконец взгляд Тан Шэня прояснился, наполнившись непреклонной решимостью:

— Пусть против меня восстанут тысячи и тьмы — я все равно пойду своим путем!

Приняв окончательное решение, Тан Шэнь почувствовал небывалое облегчение. Он выбросил из головы загадочные слова Ван Чжэня, решив больше не мучить себя напрасными тревогами. Юноша потянулся к пиале с бульоном, собираясь сделать глоток, но тот уже совсем остыл. По поверхности расплылся белый жир, от одного вида которого пропадал всякий аппетит. С легким отвращением отодвинув пиалу, Тан Шэнь немного подумал, после чего взял бумагу сюаньчжи, растер тушь и принялся копировать прописи, подаренные ему Ван Чжэнем. Закончив работу, он достал нож и аккуратно сброшюровал исписанные листы в небольшую тетрадь.

На следующий день Тан Шэнь велел Яо Саню приготовить немного цинтуаней.

Шел четвертый месяц, время поминальных дней Цинмин. Жители Шэнцзина не имели обыкновения лакомиться зелеными колобками, однако для уроженцев Цзяннани это было привычным делом. Под вечер Тан Шэнь взял корзинку с горячими, исходящими паром цинтуанями, прихватил переписанную тетрадь с каллиграфией и отправился в Резиденцию министра.

Прождав в гостиной около полуаса, он наконец дождался возвращения Ван Чжэня из Финансового приказа.

Ван Чжэнь изрядно удивился, застав гостя у себя.

— Позавчера старший соученик обмолвился, что я совсем позабыл дорогу в Резиденцию министра, вот я и решил сегодня нанести визит, — проговорил Тан Шэнь. — Дома как раз приготовили цинтуани. Хотя они и вышли невзрачными, я решил принести их старшему соученику на пробу. К слову, вот прописи, которые я переписал в прошлом месяце. Почерк старшего соученика безупречен, мне же удастся передать лишь форму иероглифов, но не их дух. Буду признателен, если вы укажете на мои промахи.

Ван Чжэнь с улыбкой посмотрел на Тан Шэня и предложил:

— Почему бы тебе не остаться сегодня на ночь в Резиденции министра? Через пару дней ты вступишь на службу в Академию Ханьлинь, и пусть это ведомство считается тихим местом, свободного времени у тебя заметно поубавится. Давай сегодня мы устроим беседу при свечах, а заодно я погляжу на твои прописи?

Тан Шэнь вовсе не собирался ночевать в Резиденции министра, однако его по-прежнему занимали позавчерашние слова Ван Чжэня. По крайней мере, сейчас Ван Цзыфэн оставался для него самым надежным мостом на пути к вершинам власти.

— Договорились. Я и сам подумывал об этом, просто не хотел злоупотреблять гостеприимством старшего соученика, — согласился Тан Шэнь.

— Вот как? — приподнял бровь Ван Чжэнь.

Тан Шэнь, наступив на горло собственной совести, с предельной искренностью подтвердил:

— Самая настоящая правда!

— Тогда оставайся у меня почаще. В конце концов, твое Поместье Таньхуа будет совсем неподалеку!

Тан Шэнь лишился дара речи.

Отчего же ему казалось, что во всем этом крылся какой-то подвох?

<http://bllate.org/book/18292/1754523>